

**С. М. Каштанов,
Л. В. Столярова, П. В. Белоусов**

Когда умер Афанасий Нагой и мог ли он руководить «антигодуновским заговором»?

15 мая 1591 г. в Угличе при загадочных обстоятельствах погиб младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий. Постепенно его гибель обросла домыслами и слухами. Версия о злодейском убийстве, выдвинутая Нагими сразу же после трагедии, получила продолжение немедленно. Видимо, еще до приезда в Углич комиссии Шуйского (т.е. около 19 мая) распространился слух, что мать погибшего — вдовья царица Мария Федоровна — отравлена и находится при смерти. Английский дипломат Джером Горсей (Jerome Horsey) в своих «Записках» описал ее состояние со слов, как он считал, ее «брата» Афанасия Нагого. Согласно Горсею, Афанасий Нагой среди ночи постучался в ворота Английского двора в Ярославле — резиденции прибывавших в Россию англичан. Джером Горсей находился в это время в Ярославле, будучи выслан из Москвы из-за ссоры с дьяком Андреем Щелкаловым. Сообщив что «царевич Дмитрий мертв», Нагой утверждал, что «царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа»¹ («The Tsarevich Dmitrii is dead; <...> and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off»²). Он умолял Горсея о помощи и просил дать ему «какое-нибудь средство» («help and give some good thing») для несчастной матери царевича³.

Среди родственников царицы были два Афанасия⁴ — двоюродный дядя царицы, сын Александра Михайловича Нагого, оказавшийся после смерти Ивана Грозного в Новосили — одном из укрепленных пунктов оборонительной линии

на южных рубежах Московского государства, и родной ее дядя Афанасий Федорович Нагой (сослан в Ярославль в 1584 г.). Джером Горсей указал, что ночью к нему явился брат царицы: «Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы»⁵, матери юного царевича Дмитрия» («I saw by moonshine empress' brother, Afanasii Nagoi, the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii»). Брата Афанасия у царицы не было. У нее имелись только родные братья Михаил и Григорий и ни одного двоюродного или троюродного брата с этим именем. Двоюродными, троюродными и четвероюродными братьями царицы были восемь представителей рода Нагих: Иван Семенович, Петр Афанасьевич, Андрей Андреевич, Александр Михайлович, Василий Михайлович, Богдан (Стефан) Михайлович, Никифор Иванович и Гаврило Иванович. Оба известных Афанасия Нагих — Афанасий Федорович и Афанасий Александрович — приходились ей дядьями, а не братьями: они были сыновьями Федора Михайловича и Александра Михайловича Нагих⁶. В. Б. Кобрин отождествлял Афанасия с Афанасием Александровичем⁷. Однако как мог этот человек явиться из Новосили в Ярославль, ничего не зная о событиях в Угличе?

Ряд ученых полагает, что ночным визитером Горсея был царицын дядя Афанасий Федорович, названный ее «братом» по ошибке. Такой версии придерживались, например, Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин, М. Перри и новейший издатель Записок Горсея А. А. Севастьянова⁸. Однако Л. Берри и Р. Крамми, сославшись на «Русскую родословную книгу» А. Б. Лобанова-Ростовского и «Русский биографический словарь», заметили, что Афанасий Федорович Нагой умер в Ярославле еще в 1585 г.⁹ В. Д. Назаров в статье «Нагие» указывает в качестве даты смерти Афанасия Федоровича 1585 г.¹⁰ Берри и Крамми предположили, что Горсей перепутал имя приезжавшего к нему Нагого: им был не Афанасий, а Андрей¹¹. Между тем Афанасий Федорович Нагой был жив в 1588 г. 21 декабря 1588 г. он пожертвовал Троице-Сергиеву монастырю 50 руб. по душе своего умершего сына Петра¹².

По мнению Р. Г. Скрынникова, Афанасий Федорович был в 1591 г. не только жив, но и являлся одним из самых деятельных участников политической борьбы 1590-х гг., превратившим Ярославль едва ли не в центр антигодуновского заговора¹³. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина полагали, что А. Ф. Нагой «умер около 1593 г.»¹⁴. Это утверждение сопровождалось глухой ссылкой на троицкий синодик¹⁵. Никаких обоснований своей точки зрения авторы не давали. О дате смерти А. Ф. Нагого или о каком-либо вкладе по его душе сведений нет.

Непосредственно перед Афанасием названа его жена Татьяна, а перед ней — Александр Борисович Щекин, вклад по которому сделал кн. А. И. Хворостинин 2 февраля 1592 г.¹⁶ Сразу после Афанасия в синодике значится инок Нифонт Хитрово. Возможно, это Никита Васильевич Хитрово. Его вклад в Троицу относится к 1 октября 1559 г.¹⁷, но дата смерти неизвестна. За ним идет Иван Юренев. Это уже деятель XVII в. В боярской книге 1627 г. И. И. Юренев числился

среди выборных дворян по Коломне¹⁸. После Ивана Юренева синодик упоминает инок Паисию Нелединского. Он может быть отождествлен с Петром Михайловым сыном Нелединского, который отдал в Троицу по душе родителей село в Бежецком Верхе. Это произошло в 1571/72 г.¹⁹ Дата смерти самого П. М. Нелединского неизвестна. Если он умер через 20 лет после смерти родителей, его кончину надо отнести к 1591/92 г. Но такое допущение совершенно произвольно.

После Паисия Нелединского в синодике названа инокиня Маремьяна. Над ее именем сделана надпись: «Ку[рцева] жена [А]л(е)ксѣевича, Плещѣва Сѹчина». Вероятно, имеется в виду жена Афанасия (Алексея) Ивановича Курцева, дочь Федора (или Ивана?) Очина-Плещеева Старого. 5 марта 1542 г. Никита Фуников сын Курцов дал в Троице-Сергиев монастырь вкладом «по матери своей Мартемьяне» 49 руб. 30 ал. 2 д.²⁰ Далее в синодике стоит имя «Захарїа» и над ним надпись «дѣт[и]». Речь идет, по-видимому, о Захарии Ивановиче Очине-Плещееве, по которому его брат Никита дал вклад 26 декабря 1591 г.²¹ После Захарии написано «Иванна». Надпись над этим именем не поддается прочтению. Скорее всего, тут могло быть слово «Сѹчины» или «Сѹчина». Это предположение основано, во-первых, на том, что упомянутые в синодике рядом Захария и Иван были братьями. Их брат Никита Иванович Очин-Плещеев делал свой сторублевый вклад не только по Захарии, но и по Иване, о чем прямо говорится в записи от 26 декабря 1591 г. Во-вторых, слово над именем «Иванна» должно было быть связано со словом «дѣти» над именем Захарии. Эти два надстрочных слова представляли собой единую надпись, растянутую над двумя словами. Отсюда предположение, что надпись в целом гласила «дѣти Сѹчина» или «дѣти Сѹчины».

Следующее лицо, кого предписывается помянуть в синодике, — инокиня Ираида. Надстрочная надпись раскрывает тайну этого имени: «Михайлова жена [Бул]гаква». Во вкладной книге есть запись: «100-го году, октября в 4 день по Орине Михайлове жене Матфеевича Булгакова дал вкладу Петр Васильевич Годунов денег 50 рублей»²². Видимо, Ирина Булгакова умерла незадолго до 4 октября 1591 г.

Идентификацию имен можно было бы продолжить, но, кажется, и так теперь понятно, почему Станиславский и Мордовина датировали смерть А. Ф. Нагого временем «около 1593 г.»: некоторые близкие к нему по синодику лица, чья смерть поддается датировке, умерли либо в конце 1591 г., либо в начале 1592 г. Скорее всего, Афанасий Федорович Нагой и его жена Татьяна погибли тоже не в 1593 г., а в 1591–1592 гг., но не до, а после, а может быть, в результате майских событий 1591 г.

Во всяком случае, после того как стало ясно, что 1585 г. является ошибочной датой смерти А. Ф. Нагого, намного увеличилась вероятность того, что именно с ним общался Горсей ночью в Ярославле. Поскольку Горсей твердо помнил редкое для английского слуха имя Афанасий, переименованное им на «Альфо-

насий» («Alphonassy Nagoie»), это был его хороший знакомый. Только близкий приятель мог явиться к опальному англичанину в неурочное время, неофициально и с расчетом на понимание и сочувствие. К тому же найти ночью в Ярославле английский двор было бы, наверное, сложно иногородцу, жителю Углича, в то время как житель Ярославля, каковым являлся Афанасий, легко ориентировался в местной топографии. Горсей не говорит, что его ночной гость приехал из Углича. Неизвестно, был ли Горсей знаком с Андреем Александровичем Нагим и решился ли бы тот покинуть Углич в столь критический момент²³. Более вероятен другой сценарий: к Афанасию прибыл из Углича доверенный человек Нагих, рассказал ему о случившемся и попросил оказать помощь. Смерть Афанасия Федоровича и его жены в конце 1591 или начале 1592 г. говорит о многом. Они могли поплатиться жизнью и за обращение к Горсею, и за связь с угличскими Нагими.

Итак, между 16 и 19 июля 1591 г. состоялся ночной разговор Нагого с Горсеем, записанный последним по памяти. Если сведения медицинского характера выглядят в нем вполне правдоподобными и косвенно подтверждаются материалами Следственного дела, то точность воспроизведения англичанином всех деталей этого разговора вызывает определенные сомнения. Во-первых, обращает на себя внимание нарочитая беллетризация самого эпизода встречи, описанного в духе детективного романа. Разговор взволнованного Нагого с перепуганным насмерть англичанином происходит ровно в полночь, под покровом темноты, и только одинокая луна освещает лицо незваного визитера («But one night...»; «One rapped at my gate at midnight...»; «I saw by moonshine empress' brother...»). Горсей напуган заранее, еще не зная, ни кто стучится в его ворота, ни почему. При этом испуг дипломата так силен, что он «едва не отдал Богу душу». Одновременно Горсей не забывает указать на свою полную боеготовность и то, что в его распоряжении находился целый штат вооруженных слуг (15 человек) и арсенал («God did miraculously preserve me...»; «I commended my soul to God above other, thinking verily the time of my end was come...»; «I was well furnished with pistols and weapons»; «I and my servants, some fifteen, went with these weapons to the gate...»). В таком контексте зловещая история, рассказанная ночью, обретает не то романтический, не то героический флер.

Во-вторых, Горсей прямо говорит об умолчаниях, которые делает сознательно: «Many other things passed not worth the writing, sometimes cheerful messages, sometimes fearful...» Оборот об умолчаниях помещен в «Записках» сразу после упоминания о ссылке Горсея «царем и советом» («emperor and council») за 250 миль от Москвы и непосредственно перед рассказом о ночном визите Нагого на Английский двор. Безусловно, он мог означать отказ от повествования об отдельных событиях в Русском государстве, случившихся за период ссылки вообще, но и мог содержать намеки на то, что и изложение последующих событий не обойдется без коррективов и купюр. Это тем более вероятно, что уже 10 июня 1591 г. Горсей прямо писал Уильяму Сесилу о «многих... необыкновенных

делах», которые он и описать не смеет, и «не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно». Какой опасности ждал Горсей в Ярославле, заходя вооружившись и окружив себя охраной? Почему был так напуган, что едва не испустил дух, когда в его ворота настойчиво постучались? Что заставило его не на шутку испугаться за свою жизнь (а он готовился защищать ее с оружием в руках) и тем не менее вступить в контакт с ночным гостем? В-третьих, почему именно у Горсея родственник царицы искал «что-нибудь действенное», говоря о ее отравлении, ведь англичанин не был ни медиком, ни знахарем? Горсей явно недоговаривает.

Как известно, еще среди современников тех трагических событий распространился слух, что малолетний наследник был заблаговременно спрятан родственниками, а вместо него убит другой мальчик. В частности, Жак Маржерет прямо писал о том, что Борис Годунов готовил убийство царевича. Но поскольку «многие вельможи, отправленные в ссылку, были в дороге отравлены», Мария Нагая «и некоторые другие вельможи... сумели подменить его и подставить на его место другого [ребенка]», который позднее и погиб в Угличе²⁴. Маржерет побывал в России при Лжедмитрии I, состоял у него на службе и, конечно же, излагал официальную версию, бытовавшую при его дворе²⁵. Несмотря на то что версия о подмене наследника другим мальчиком явно несостоятельна, впоследствии она была подхвачена некоторыми исследователями Смутного времени. Более того, сторонники версии спасения подлинного Дмитрия не исключали вероятности, что царевич Дмитрий был укрыт Нагими, и не без помощи Горсея²⁶. Именно участием последнего в судьбе царевича объясняют строки письма лорду Сесилу о «многих... необыкновенных делах», о которых Горсею было бы писать «опасно». Однако версия о сокрытии подлинного Дмитрия Горсеем кажется нам маловероятной и даже фантастической. Кроме того, она противоречит сведениям о болезни царицы, переживавшей тяжелейшую психическую травму, которые нашли подтверждение в Следственном деле.

В изложении разговора с Нагим у Горсея перемешались впечатления от событий, отстоявших друг от друга на несколько дней и даже лет, но объединенные темой угличской трагедии 15 мая. Некоторые из них Дж. Горсей фиксировал как непосредственный участник и свидетель, о других узнавал из разных источников — по преимуществу устных. Весть о смерти царевича 15 мая могла достичь Москвы на следующий день, т.е. 16 мая. Из Москвы на место трагедии незамедлительно выехал пристав Темир Засецкий, прибывший в Углич 18 мая. 19 мая сюда приехала следственная комиссия Шуйского, а также митрополит Крутицкий Геласий — для погребения царевича, которое состоялось 22 мая. Все признаки мнимого отравления Марии Нагой (включая поражение ногтей), на деле являвшиеся проявлениями соматизированной депрессии, должны были возникнуть в течение первых 4–5 дней после гибели царевича. Вероятно, реактивная паранойя царицы, ярко обозначившаяся 15–16 мая в поиске злоумышленников (избиение Василисы Волоховой, гибель Осипа Волохова, казнь юродивой («же-

ночки уродливой»)), померкла на фоне усиливающегося депрессивного состояния. Царица слегла 17–18 мая, а 18–19 мая из Углича в Ярославль пришли вести о произошедшем. Дата 19 мая содержится в письме Горсея лорду Сесилу (барону Берли) как дата гибели царевича Дмитрия. Вероятно, эта дата соответствует времени приезда в Ярославль вестника от Нагих и свидания Афанасия Нагого с Горсеем. Горсей сообщает о пожарах в Москве как о произошедших не после, а до трагедии в Угличе («some four days before») — следствие ошибки информаторов Горсея или его собственной памяти. Маловероятно, что Горсей ошибался здесь намеренно²⁷. Вместе с тем Горсей намеренно или невольно излагает анти-годуновскую версию событий в Угличе и Москве в мае–июне 1591 г.

¹ Здесь и далее перевод записок Дж. Горсея на русский язык цитируется по изданию: *Горсей Д. Записки о России. XVI — начало XVII в.* / Пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М.: МГУ, 1990. Напомним, что «Записки» Горсея переведены А. А. Севастьяновой по изданию 1856 г., а фрагмент о ночном визите Нагого в Ярославль — по изданию 1626 г.: *Горсей Д. Записки*. С. 44, примеч. 67, см.: Там же. С. 130. Об изданиях и переводах «Записок» Дж. Горсея, а также о причинах обращения к фрагменту о ночном визите по изданию 1626 г. см.: [Севастьянова А. А.] Предисловие: Джером Горсей и его сочинения о России // Горсей Д. Записки. С. 5–46, особенно с. 28.

² Здесь и далее английский текст «Записок» Дж. Горсея воспроизводится по изданию: *Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers* / Ed. by L. E. Berry, R. O. Crummey. Madison; Vilwaukee; London, 1968. P. 357–359.

³ *Rude & Barbarous Kingdom*. P. 357.

⁴ Пользуемся генеалогической таблицей рода Нагих, составленной В. Д. Назаровым и являющейся рукописным Приложением к его докладу «Григорий Иванович и Иван Григорьевич Нагие: отец и сын на царской службе», прочитанному 23 мая 2011 г. в РГАДА на Научных чтениях, посвященных юбилею А. Л. Хорошкевич (далее: *Назаров В. Д. Приложение к докладу*).

⁵ Перевод А. А. Севастьяновой неточен. У Горсея Мария Нагая определяется как «the late widow empress», т.е. «покойная вдовствующая царица». Это свидетельствует о том, что Горсей писал или по крайней мере редактировал эту часть своих «Записок» после 20 июня 1612 г., когда Мария Нагая (в иночестве Марфа) уже умерла.

⁶ *Назаров В. Д. Приложение к докладу*.

⁷ *Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 88.

⁸ *Скрынников Р. Г.* 1) Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 188; 2) Борис Годунов. М., 1983. С. 82–84; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 169; *Perrie M.* Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // *Oxford Slavonic Papers*. 1980. Vol. 8. P. 40; [Севастьянова А. А.] Комментарии // Горсей Д. Записки. С. 204–205, примеч. 251–252.

⁹ *Rude & Barbarous Kingdom*. P. 375. Note 5.

¹⁰ Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. Стб 871.

¹¹ *Rude & Barbarous Kingdom*. P. 375. Note 5.

¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 70. Л. 234; *Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 247, 348. № 3423.

¹³ *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий. С. 188.

¹⁴ *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 180, примеч. 13.

- ¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 27. Приносим благодарность А. В. Кузьмину за помощь в работе над л. 26 об. — 27 троицкого синодика (№ 41).
- ¹⁶ Вкладная книга. С. 87. Л. 307 об.
- ¹⁷ Там же. С. 105. Л. 377; Кормовая книга. С. 131, 286, 347. № 824, 3403.
- ¹⁸ Боярская книга 1627 г. / Подг. текста и вступ. статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина; под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М., 1986. С. 124. Л. 389 об.
- ¹⁹ Вкладная книга. С. 143. Л. 549 об.; Кормовая книга. С. 315, 369. № 192, 1599.
- ²⁰ Вкладная книга. С. 68. Л. 226 об.; Кормовая книга. С. 306. № 1386.
- ²¹ Вкладная книга. С. 42. Л. 118.
- ²² Там же. С. 108. Л. 394.
- ²³ На следствии А. А. Нагой говорил, что находился при теле царевича «неотступно». Как же он мог при этом ездить в Ярославль?
- ²⁴ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 124–125.
- ²⁵ *Зимин А. А.* В канун... С. 169.
- ²⁶ См., напр.: *Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? С. 89.
- ²⁷ *Зимин А. А.* В канун... С. 175–176.

References

- Boârskaâ kniga 1627 g. / Podg. teksta i vstup. stat'â M. P. Lukičeva i N. M. Rogožina; pod red. i s predisl. V. I. Buganova. M., 1986.
- Gorsej D.* Zapiski o Rossii. XVI — načalo XVII v. / Per. i sost. A. A. Sevast'janovoj. M.: MGU, 1990.
- Kiričenko L. A., Nikolaeva S. V.* Kormovaâ kniga Troice-Sergieva monastyrâ 1674 g. (Issledovanie i publikaciâ). M., 2008.
- Kobrin V. B.* Komu ty opasen, istorik? M., 1992.
- Maržeret Ž.* Sostoânie Rossijskoj imperii: Ž. Maržeret v dokumentah i issledovaniâh (Teksty, kommentarii, stat'i) / Pod red. An. Bereloviča, V. D. Nazarova, P. Ŭ. Uvarova. M., 2007.
- Mordovina S. P., Stanislavskij A. L.* Sostav dvora Ivana IV v period «velikogo knâženiâ» Simeona Bekbulatoviča // AE za 1976 god. M., 1977.
- Perrie M.* Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 8.
- Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by L. E. Berry, R. O. Crummey. Madison; Vilwauke; London, 1968.
- Skrynnikov R. G.* Boris Godunov i carevič Dmitrij // Issledovaniâ po social'no-političeskoj istorii Rossii: Sb. statej pamâti B. A. Romanova. L., 1971.
- Skrynnikov R. G.* Boris Godunov. M., 1983.
- Vkladnaâ kniga Troice-Sergieva monastyrâ / Izd. podg. E. N. Klitina, T. N. Manušina, T. V. Nikolaeva. M., 1987.
- Zimin A. A.* V kanun groznyh potrâsenij: Predposylki pervoj krest'ânskoj vojny v Rossii. M., 1986.

Литература

- Боярская книга 1627 г. / Подг. текста и вступ. статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина; под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М., 1986.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987.
- Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М.: МГУ, 1990.
- Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
- Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008.
- Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007.

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983.

Perrie M. Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 8.

Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by L. E. Berry, R. O. Crumme. Madison; Vilwaukee; London, 1968.

С. М. Каштанов, Л. В. Столярова, П. В. Белоусов. Когда умер Афанасий Нагой и мог ли он руководить «антигодуновским заговором»?

Статья посвящена идентификации лиц, упомянутых в Троицком синодике (РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 26 об. — 27), и установлению вопроса о том, мог ли Афанасий Федорович Нагой быть визитером Джерома Горсея в Ярославле в мае 1591 г. после гибели царевича Дмитрия Угличского. Установление личности ночного гостя Горсея, упомянутого в его записках о России (Афанасий Нагой), является важным условием реконструкции событий, вошедших в историю России как «Измена Нагих» накануне Смутного времени.

Ключевые слова: Смутное время в России, синодик, идентификация, источниковедение, генеалогия.

S. M. Kashtanov, V. L. Stoljarova, V. P. Belousov. When Athanasius Nagoy has died and whether he could lead «antigodunovian conspiracy»?

In the article, the authors attempt to identify persons mentioned in the Troitsky synodic and to clarification of the question whether Afanasiy Fyodorovich Nagoi could visit Jerome Horsey in Yaroslavl in May 1591, after the death of Dmitry of Uglich. The identification of Horsey's night visitor, mentioned in his memoirs of Russia (Afanasiy Nagoi), is an important condition of the reconstruction of the events that came to be known as «Treason of Nagiye» on the eve of Time of Trouble.

Key words: Time of Troubles in Russia, synodic, identification, source study, genealogy.

Белоусов, Петр Владимирович, врач высшей квалификационной категории, психиатр-психотерапевт (Городская клиническая психиатрическая больница № 1 им. Н. А. Алексеева, Москва).

Belousov, Petr Vladimirovich, doctor of the highest qualification category, psychiatrist-psychotherapist (Moscow clinical psychiatric hospital N 1, Moscow).

E-mail: lvsto@mail.ru

Каштанов, Сергей Михайлович, член-корреспондент РАН, д.и.н., Институт всеобщей истории РАН.

Kashtanov, Sergey Michailovich, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Institute of General History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: kashtanov-y@mail.ru

Столярова, Любовь Викторовна, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Stoljarova, Ljubov' Viktorovna, Doctor of Sciences (History), leading researcher, Institute of General History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: lvsto@mail.ru